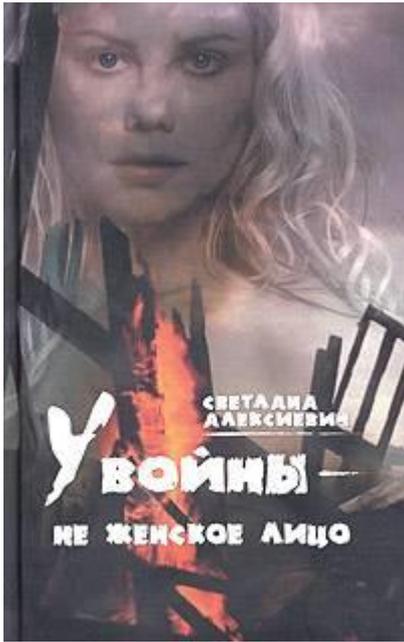

НЕИЗВЕСТНЫЕ КНИГИ О ВОЙНЕ

Светлана Алексиевич «У войны не женское лицо»

«Это произведение – конечно же, очень известное и широко востребованное в 80-е годы прошлого века (книга была издана в 1985 г.) В кратком предисловии к книге «У войны не женское лицо» Алексиевич писала: *«4 года я иду обожженными километрами чужой боли и памяти. Записаны сотни воспоминаний женщин-фронтовичек»*. В основу книги легли свыше **200 женских историй**. Война им снится до сих пор, спустя десятилетия. Поэтому так часто в рассказах женщин звучат слова: *«То бежишь в укрытие, то на другую позицию. Проснешься – и не верится, что живая»*.

Это **сборник уникальных воспоминаний женщин**, служивших на войне простыми солдатами, медсёстрами, командирами санитарных бригад, даже лётчиками и врачами. Из их мемуаров светлый образ женщины-солдата изрядно мрачнеет.

Девушки служили в армии, перенося на себе все тяготы войны: вшей, грязь, отсутствие средств женской гигиены, постоянные приставания сослуживцев-мужчин. А вернувшись домой, с ужасом понимали — дома их считают «военными проститутками», или просто не ждут.

Трагедия женского подвига на войне — в правдивой и страшной книге.

Несут раненых... Они плачут... Плачут не от боли, а от бессилия.

Первый день, как их привезли на фронт, некоторые ни разу не выстрелили. Им не успели выдать винтовки, потому что оружие в первые годы было на вес золота. А у немцев танки, минометы, авиация. Товарищи падали, они подбирали их винтовки. Гранаты. С голыми руками пошли в бой... Как в драку... И наскочили сразу на танки...».

«Когда они умирали... Как они смотрели... Как они...»

«Мой первый раненый... Пуля попала ему в горло, он жил еще несколько дней, но ничего не говорил... Отрезают руку или ногу, крови нет... А есть белое чистое мясо, кровь потом. Я и сейчас не могу разделять курицу, если белое чистое мясо. У меня солено-солено во рту делается...».

«В плен военных женщин немцы не брали... Сразу расстреливали. Или водили перед строем своих солдат и показывали: вот, мол, не женщины, а уроды. И мы всегда два патрона для себя держали, два — на случай осечки. У нас попала в плен медсестра... Через день, когда мы отбили ту деревню, везде валялись мертвые лошади, мотоциклы, бронетранспортеры. Нашли ее: глаза выколоты, грудь отрезана... Ее посадили на кол... Мороз, и она белая-белая, и волосы все седые. Ей было девятнадцать лет. В рюкзаке у нее мы нашли письма из дома и резиновую зеленую птичку. Детскую игрушку...».

«Мы отступаем... Нас бомбят. Первый год отступали и отступали. Фашистские самолеты летали близко-близко, гонялись за каждым человеком. А всегда кажется за тобой. Я бегу... Я вижу и слышу, что самолет направляется на меня... Вижу летчика, его лицо, и он видит, что девчонки... Санитарный обоз... Строчит вдоль повозок, и еще улыбается. Он забавлялся... Такая дерзкая, страшная улыбка... И красивое лицо... Я не выдерживаю... Я

кричу... Бегу в кукурузу — он туда, я к лесу — он меня прижимает к земле. Уже — кусты... Вскочила в лес, в какие-то старые листья. У меня течет кровь из носа от страха, не знаю: жива я или не жива? Да нет, жива... С того времени очень боялась самолетов. Он еще где-то, а я уже боюсь, я уже ни о чем не думаю, а одно только, что он летит, где мне спрятаться, куда мне забиться, чтобы не видеть и не слышать. И до сих пор звука самолета не переносу. Не летаю...»

Гельмут Пабст «Дневник немецкого солдата»

Мемуары солдата Вермахта — это бесценная возможность перенестись за линию фронта и увидеть, как воевали немецкие солдаты, узнать их быт, мысли и желания.

«Дневник немецкого солдата» — это подробное описание нескольких военных лет. В нём нет отчаянного бесстрашия, свойственного советским мемуарам. Скорее они пронизаны грустью, понимание бесполезности войны, тягой к дому.

Гельмут Пабст меньше всего похож на нациста со звериным оскалом. Пацифист в душе, оказавшийся на войне против своей воли, он погиб при попытке оказания помощи тяжелораненному солдату противника. Один этот факт лучше характеризует и его жизнь, и его дневник.

«Мы нашли батарею готовой тронуться в путь. Дома были пусты со всеми этими признаками окончательного бегства, которые делают человеческое жильё столь унылым. Мы присоединились к колонне и шли маршем в сторону заходящего солнца. Наступил вечер. Путь становился труднее, дул колючий ветер. Больше он уже не был нежным и игривым, а был голубым и твердым, как сталь. Он хватал за лицо и пронизывал насквозь все тело. Мне было холодно в своей тонкой шинели, без рубашки под нею. Я просил тулуп, но он тяжким грузом лег на мои усталые плечи. Что-то было не в порядке с моим левым коленом; мы уже прошли десять километров, а предстояло пройти еще тридцать. Усталость сжимала голову отупляющим, оглушающим обручем. В конце концов путь продолжали только мои ноги, шаг за шагом, неуклюже спотыкаясь на ветру. Последние два километра дорога пролегла по глубокому снегу, в стороне от главной дороги. Я шел медленно, как очень старый человек. Из оврага позади меня, где застряли машины, в ледяной ночи раздавались проклятия водителей, подобно крикам проклятых душ.

Было уже за полночь. Помещения для постоя переполнены, так же как и жалкие, грязные лачуги. Мы тяжело опустились на скамьи так, будто были нагружены свинцом. Отяжелевшими от усталости глазами смотрели, как подрумянивался хлеб на железной печке, и слушали, как гудит самовар. Несмотря на все это, мы пели. Мы устроились в одном помещении с несколькими украинскими истребителями партизан. Через некоторое время они оставили комнату за нами и ушли в ночь за своей добычей.

Когда рассвело, мы увидели груды невероятно грязного тряпья, лежавшего на печке. В углах были горы вонючей грязи. Но это — Россия. И так же типично для России, что из всего этого дерьма вдруг вылезает маленькая девочка с милым, ангельски красивым личиком. У нее были большие глаза и белокурые локоны, и все же ее красоте было предназначено так быстро поблекнуть, и она станет такой

же, как ее бабушка, такой же безобразной и грязной, как ведьма, что не захочешь до нее дотронуться даже в перчатке».

Роберт Капа «Скрытая перспектива»

Биографическая книга фотокорреспондента фронтов Второй Мировой, написанная им с непередаваемым грустным юмором и удивительной наблюдательностью.

Роберт Каппа — это автор известных всем военных фотоснимков. Он участвовал в десятках боёв: от Монте-Кассино до высадки союзников в Нормандии (где он был единственным фотокорреспондентом). И в каждом бою он был плечом к плечу с солдатами, только вместо винтовки в его руках была фотокамера.

«Скрытая перспектива» — это летопись Западных фронтов, о которых мы так мало знаем.

«Узкая улица, ведущая к отелю «Parco», где я остановился, была запружена людьми. Они безмолвно стояли в очереди, тянувшейся к зданию школы. Эти люди явно стояли не за едой, поскольку в руках у выходивших наружу не было ничего, кроме шляп. Я встал в конец очереди. В школе меня встретил сладкий, тяжелый запах цветов и смерти. В комнате стояли двадцать простых гробов. Они были небольшого размера, а цветы закрывали их недостаточно плотно, чтобы скрыть маленькие, грязные детские ножки. Эти дети были достаточно взрослыми, чтобы бороться с немцами и погибнуть, но они лишь чуть-чуть выросли из детских гробов.

Неапольские детишки, украв винтовки и пули, две недели воевали с немцами, пока мы торчали на перевале Чиунзи. Этими ножками встречала меня моя Европа. Европа, где я когда-то родился. И такая встреча была куда честнее истеричных приветствий радостных итальянцев, многие из которых еще недавно столь же неистово орали «Дуче!».

Я снял шляпу, достал камеру и навёл объектив на измождённые лица женщин, державших в руках маленькие детские фотографии своих детей. Они стояли, не шевелясь, пока гробы не унесли. На похоронах в обычной школе я сделал свои самые правдивые снимки победы.

Виктор Залгаллер «Быт войны»

Еще одни военные мемуары, на этот раз сконцентрированные на солдатском быте. Их автор **прошёл всю войну солдатом**: от страшного разгрома и почти гарантированной смерти в самом начале до победного Берлина и улыбающегося негра-союзника, продающего свои часы с джипа.

«Быт войны» трудно назвать цельной книгой, скорее это отрывочные воспоминания.

«Мы меняем позиции. Налетели штурмовики. Мы выпрыгнули из машины. Легли в тень от плетня, пней. Это было удачно. Отходившие по дороге саперы легли в канаву у обочины, были хорошо видны и понесли потери.

Машина начала гореть, дым идет за кабиной из-под снаряжных ящиков. Копелев лезет в кузов и подает нам ящики. Последние, уже горящие, кидает в канаву. Несколько гильз тут же лопаются. Но взрыва нет. Все погасили. Машина с орудием отъезжает на простреленных скатах.

Копелева наградили поездкой в Ленинград. Потом попал в артмастерские, где на харчах второго эшелона умер от голода.

В батарее дельный командир Цирлин. С ним бои были удачнее. Помню одну из позиций. За спускающимся вниз лесом видна на бугре деревня, поля. Немцы атакуют ее слева. Видны цепи, перебегающие по команде, как в кино. Бьем по ним. Разбиваем еще появившийся вслед за ними автофургон.

Снова противотанковая позиция. Совсем маленькая поляна, дорога справа. Две пушки. Один грузовик. Слева лесом отошла наша пехота. И опять из леса бьют автоматы, а слева — даже кинули пару гранат с длинными ручками.

Но мы уже не те, что в селе Среднем. Опустив стволы, веером прочесываем лес картечью. Когда стреляешь из пушки, рот открыт, челюсть выставлена вперед. Так легче ушам. Разрыв ручной гранаты швырнул мне в рот камешек. Я выплюнул его с куском отбитого его ударом зуба. (Во время одного из выстрелов, когда я уже дернул шнур, выбежал из леса наш боец... и разлетелся в клочья. Но и немцев не стало). В наступившей тишине цепляем оба орудия к одной машине, наваливаются раненые. Машина уходит.

На лесной дороге впереди едет танк. Наш шофер гудит. Танк принимает вправо. Обгоняем. Танк оказывается немецким. Пока он заряжался и сделал выстрел, мы ушли за поворот.

Через наши позиции отходят из Эстонии части 8-й армии. В их рядах эстонские коммунисты, с оружием, но в штатском. Запомнился разговор эстонца у костра: «Коммунизм еще будет. Только без коммунальных квартир. В этом вы ошибаетесь».

Николай Никулин «Воспоминания о войне»

Самая тяжелая и страшная книга воспоминаний, написанная профессором и почётным сотрудником Эрмитажа, прошедшим войну в звании рядового.

Книга наполнена ужасом, болью и смертью. Её автор не стесняется описывать страшные события такими, какими они происходили на самом деле. И глупо думать, что солдаты шли на смерть с приятными мыслями о долге. На войне все стараются выжить любыми средствами.

Трудно подходить с обычными мерками к событиям, которые тогда происходили. Если в мирное время вас сшибет автомобиль или избьёт хулиган, или вы тяжело заболите — это запоминается на всю жизнь. И сколько разговоров будет по этому поводу! На войне же случаи чудовищные становились обыденностью. Чего стоил, например, **переход через железнодорожное полотно под Погостьем в январе 1942 года!** Этот участок простреливался и получил название **«долина смерти»** (их много было, таких долин, и в других местах).

«Ползем туда вдесятером, а обратно — вдвоем, и хорошо, если не раненые. Перебегаем по трупам, прячемся за трупы — будто так и надо. А завтра опять

посылают туда же... А когда рядом рвет в клочья человека, окатывает тебя его кровью, развешивает на тебе его внутренности и мозг — этого достаточно в мирных условиях, чтобы спятить.

Каждый день, каждый час случается что-то новое. То вдруг немецкий снайпер уложил меня в воронку и не давал шевелиться до ночи, стреляя после каждого моего движения. Три часа на лютом морозе — и ногти слезли с обмороженных пальцев. Правда, потом выросли — кривые, как у черта... То немец забросил в мое укрытие гранату, но, слава Богу, у меня уже выработалась четкая реакция и я успел молниеносно выкинуть ее за бруствер, где она тотчас же грохнула... То во время обеда немецкий снаряд пробил потолок в нашей землянке, но не разорвался и только шипел на полу. «Ну что, ребята, вынесите его и давайте обедать», — сказал лейтенант. Из-за таких пустяков уже никто в это время не клал в штаны. Ко всему привыкаешь. Однажды тяжелая мина угодила в нашу землянку, разметала бревенчатый накат, но, к счастью, не пробила его. Я даже не проснулся от страшного грохота, содрогания почвы и от земли, посыпавшейся сверху. Обо всем поведал мне утром связист Полукаров, который проводил ночи, стоя на четвереньках, «в позе зенитной пушки», так как приступы язвы желудка не давали ему уснуть.

Составила библиограф МЦБ: Вихрова Е.И.

Муниципальное бюджетное
учреждение культуры Целинского района
«Межпоселенческая центральная библиотека»

Методико – библиографический отдел

Советуем почитать

п. Целина, 2014 г.